

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН

Ма-ма мы-ла ра-му.

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Лев Семенович Рубинштейн

Мама мыла раму

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67263635
Мама мыла раму: Новое издательство; Москва; 2022
ISBN 978-5-98379-268-5*

Аннотация

«Мама мыла раму» – мемуарная проза Льва Рубинштейна о детстве и отрочестве в форме комментария к его собственному, уже классическому «карточному» тексту 1987 года с тем же названием. Мама мыла раму. Папа купил телевизор. Дул ветер. Зою ужалила оса. И т.д.

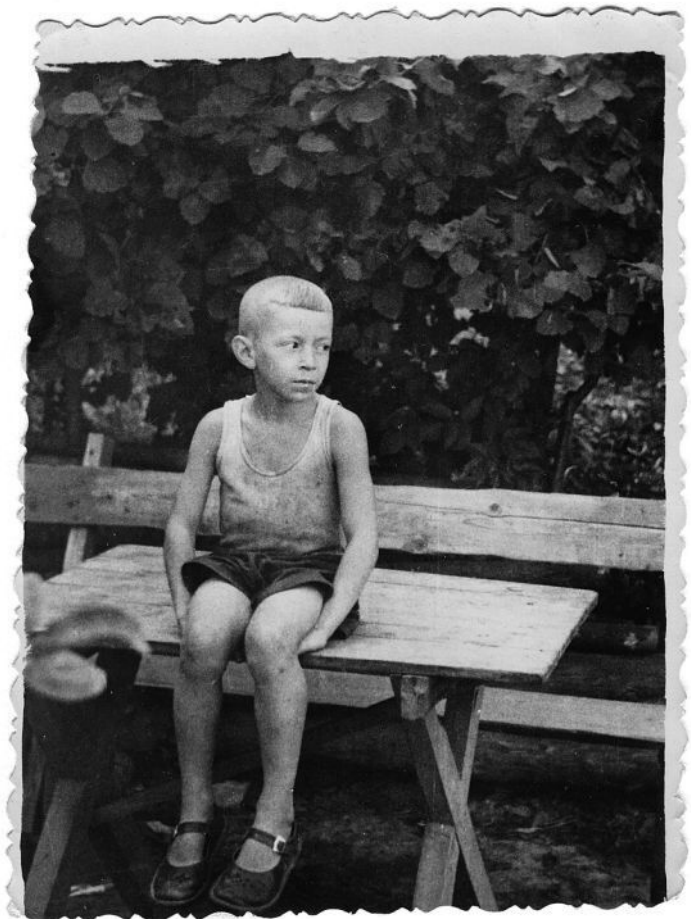
Лев Рубинштейн

Мама мыла раму

*** * ***

© Новое издательство, 2022

*** * ***

Сочиняя свои поэтические тексты, я довольно регулярно использую элементы и приметы различных маргинальных, или «служебных», жанров словесности, неизменно обнаруживая в их структуре и фактуре очевидный для меня поэтический потенциал.

Когда, например, я читаю инструкции по использованию только что приобретенных бытовых приборов, пытаюсь вникнуть в их, так сказать, прагматику, я постоянно ловлю себя на том, что я настолько увлекаюсь самой музыкой этих текстов, их ритмом, порядком слов, завораживающей, незаметно вводящей в транс магией бесконечных числительных и аббревиатур, что само практическое содержание предательски ускользает от меня, и я начинаю подозревать самого себя – боюсь, что не без основания, – в сугубой тупости и неспособности усвоить простейшие вещи.

Такие словесные конструкции, как «Рукоятку „С“ установить в положение „4“ и медленно повернуть против часовой стрелки до слабого щелчка, после чего установить ее в положение „5“ и нажать на кнопку „пуск“», воспринимаются мной не как руководство к действию, что было бы, в общем-то, естественно, а исключительно как фрагменты поэтической речи, и я ничего не могу с этим поделать.

То же касается, например, текстов каких-нибудь дидактических материалов, школьных задачников, сценических ремарок, режиссерских пометок на полях сценария, экзаменационных билетов, расписаний пригородных поездов, сонни-

ков и всего такого прочего.

Ну и комментария, разумеется, – куда же без него!

До сих пор спорят о том, помогает или, напротив, мешает пониманию поэтического текста его комментирование. А спорить, мне кажется, имеет смысл не об этом, а о том, что такое в принципе «понимание».

Считается, что комментарий воссоздает исторический, биографический, чувственный и бытовой контекст произведения, позволяющий лучше и полнее его понять и воспринять.

Можно и так сказать. Но можно сказать, что контекст воссоздается не комментатором, а самим активным читателем, когда он включает механизм собственного воображения и в свободном полете фантазирует и рефлексировать на тему «что это все может означать».

Я, например, с давних пор ловлю себя на том, что *непонятное* в искусстве вообще и в поэзии в частности мне куда интереснее и, главное, *понятнее*, чем *понятное*.

При этом, ничуть не противореча сказанному, я хочу сказать, что практически с детства обожаю жанр комментария. Дай теперь я считаю его одним из актуальнейших жанров современной словесности, то есть самой что ни есть литературой, причем именно *художественной*.

Можно пойти еще дальше и предположить с высокой степенью убежденности, что современная словесность и есть один сплошной комментарий – комментарий ко всему ра-

нее написанному, сказанному, прочитанному, услышанному и увиденному.

Современный литературный текст – это практически всегда текст о тексте. Как и критика, как и литературоведческое исследование, как и комментарий.

Комментарий мне лично нужен вовсе не для того, чтобы он мне объяснил, о чем на самом деле написан комментируемый текст. Мне не надо, чтобы комментатор объяснил мне, что – если выражаться формулой Зощенко – «автор хотел сказать своим произведением».

Комментарий мне интересен (или не интересен) как самодостаточный текст. И, кстати, структурные особенности этого жанра давно уже используются как прием, ставший вполне респектабельным – чтобы не сказать тривиальным. И он имеет свою собственную почтенную историю и традицию.

Тут можно, конечно, вспомнить и о сочинениях крупных форм, написанных как комментарии к вымышленным текстам. Их много, и среди них имеются общепризнанные шедевры.

Комментирование же собственных сочинений – занятие, в общем-то, весьма уязвимое и, прямо скажем, более или менее смехотворное. Комментатор собственного сочинения заведомо ставит себя в довольно глупое положение, напоминая человека, который, рассказав анекдот, тут же начинает объяснять, в чем его суть и что в этом анекдоте смешного.

В моем же случае такие попытки могут показаться и вовсе

тавтологичными.

Впрочем, почему бы и нет.

Это я, как вы, конечно, догадываетесь, постепенно подвожу к тому, что, противореча всему сказанному, я зачем-то ощутил необходимость написать комментарий к одному из своих текстов, а именно вот к этому самому.

Ощувив эти властные и настойчивые толчки, я долго гнал их от себя, полагая – уверен, что справедливо, – что этот мой текст, как, впрочем, и все остальные, ничуть не нуждается в комментировании, тем более – в моем собственном...

Но эта внутренняя необходимость не желала отступать, и я все же сдался.

В общем, я сел писать комментарий. И вот я его пишу.

Но сначала я предлагаю – пока не поздно – прочитать текст до всяких моих комментариев, неизбежно лишаящих его блаженной невинности. А потом еще раз, но уже – после.

И посмотрим, что из этого получится. Интересно же, разве нет?

Читаем.

1.

Мама мыла раму

2.

Папа купил телевизор

3.

Дул ветер

4.

Зою ужалила оса

5.

Саша Смирнов сломал ногу

6.

Боря Никитин разбил голову камнем

7.

Пошел дождь

8.

Брат дразнил брата

9.

Молоко убежало

10.

Первым словом было слово «колени»

11.

Юра Степанов смастерил шалаш

12.

Юлия Михайловна была

13.

Вова Авдеев дрался

14.

Таня Чирикова – дура

15.

Жених Гали Фоминой – однорукий

16.

Сергею Александровичу провели телефон

17.

Инвалид сгорел в машине

18.

Мы ходили в лес

19.

У бабушки был рак

20.

Бабушка умерла во сне

21.

Я часто видел бабушку во сне

22.

Я очень боялся умереть во сне

23.

Игорь Дудкин был похож на грузина

24.

Сергей Александрович шутил с папой

25.

У Сорокиных были сливы, но был и Джек

26.

Ребята играли в волейбол на полянке

27.

Глеб Вышинский приносил мышь

28.

Володя Волошенко врал

29.

Елена Илларионовна знала Сашу Черного

30.

То и дело падало напряжение

31.

В кино шел интересный кинофильм

32.

Брат заводил проигрыватель

33.

Папа громко кричал

34.

Буян гремел цепью

35.

Саша Смирнов завидовал, какие у меня марки

36.

Он умел шевелить ушами

37.

Потом и я научился

38.

Полина Мироновна сказала, что ее Борька – тупица

39.

Мужа Клавдии Ефимовны звали Михаил Борисович

40.

Раиса Савельевна работала в сороковом гастрономе экономистом

41.

Юрка Винников был ее сыном

42.

Ксения Алексеевна была совсем простая, но очень хорошая женщина

43.

Дом, где жили Павлик и Рита Ароновы, был соседним

44.

Таня Чирикова, кстати говоря, тоже жила в этом доме

45.

Имени мужа Райки Гусевой я, к сожалению, не запомнил

46.

Дул ветер

47.

Брат рассказывал, что делают мама и папа в соседней комнате

48.

Также росли щавель, редиска и лук-порей

49.

У Славы Новожилова был шрам от проволоочной клюшки

50.

Пошел дождь

51.

Я боялся куклы Тани Белецкой

52.

Отец Юры Степанова был беззубый, мать толстая, а сестра придурочная

53.

Сестру звали Юля

54.

У меня не было сестры, а был брат

55.

Брат сказал, что сегодня умер Сталин

56.

Брат меня ударил, потому что я смеялся и кривлялся

57.

Папа бросил курить

58.

Мы мечтали, чтобы скорее была война

59.

Мы любили китайцев

60.

Мне не разрешали переходить через дорогу

61.

Однажды я чуть не угорел

62.

Галя Фомина училась в педагогическом институте. Когда я ее спросил, почему идет дождь, она стала объяснять и начала так:

«В нашей стране много морей и рек...»

Дальше я не понял и не запомнил

63.

Саша Смирнов имел привычку пердеть в помещении

64.

Слышно не было, но сильно воняло

65.

Он не признавался, что это он

66.

Я учился кататься на велосипеде

67.

Я стеснялся сказать, как меня зовут

68.

Однажды я увидел такую огромную гусеницу, что не могу забыть ее до сих пор

69.

Меня укачивало и рвало

70.

Однажды, войдя без стука в комнату Гали Фоминой, я увидел впервые

71.

Однажды, одержимый ужасными предчувствиями, стремительно вбежал

72.

Пришли, но с большим опозданием

73.

Всю ночь бушевал ветер,
была и гроза

74.

Была ужасная погода,
все изменялось и текло

75.

Из-за угла повеял ветер,
принес прохладу и тоску

76.

Ударил гром, возникла скука,
смятение пенилось в груди

77.

Во тьме свистело и сверкало,

град в крышу страшно колотил

78.

Верхушки елей трепетали,
повисли тучи над крыльцом

79.

Вначале было как в начале,
но все закончилось концом

80.

Все было надо мной, как прежде,
но подо мной шаталась твердь

81.

Кружили, падали и плыли, и уходили кто куда

82.

В тот день все было, как обычно

83.

Я встал, оделся...

Ну а теперь – собственно комментарий. Вот он.

Во-первых, считаю необходимым сказать, что текст был сочинен в 1987 году. Говорю это, будучи уверенным в том, что датировка любого современного текста является его равноправным значимым элементом.

Теперь – некоторые общие соображения.

Почему для комментирования я выбрал именно этот текст.

Всякие автобиографические вкрапления вообще свойственны многим моим сочинениям – как поэтическим, так и прозаическим. Этот же текст отличается от прочих еще и тем, что почти каждый его фрагмент вполне, так сказать, документален.

Те, кто хотя бы шапочно знаком с моей поэтической манерой, едва ли удивятся, заметив, что отдельные фрагменты текста связаны между собой лишь ритмически, будучи – вполне осознанно – лишены какого бы то ни было реального или воображаемого нарративного или понятийного контекста.

Известно, что более или менее схожим образом часто поступают дети, не предполагающие, что кто-то может не знать того, что знают они.

Когда ребенок хочет рассказать взрослому о чем-нибудь, он, например, говорит: «Вчера Марина забыла стихотворение, а Ольга Владимировна рассердилась и сказала, чтобы

Сережа вышел из комнаты, потому что он смешил Наташу».

Попытка выяснить у рассказчика, кто такие Марина, Ольга Владимировна, Сережа, Наташа, а также что за стихотворение забыла Марина, почему она его забыла, из какой комнаты был изгнан Сережа и каким способом он злостно смешил Наташу, как-то даже не корректна.

Ребенок страшно удивится тому, что вы не знаете таких очевидных вещей. Он будет раздосадован тем, что вы нарушаете стройный и динамичный ход повествования, убивая поэзию, которая в конце концов достовернее всякой так называемой правды жизни. И будет, в общем-то, прав.

Уже само название комментируемого текста и, соответственно, его начальный фрагмент, знакомый многим поколениям всех тех, кто учился когда-то в первом классе советской школы, призваны служить понятийным и стилистическим ключом к восприятию всего текста, построенного как череда внешне не связанных между собой отдельных фраз, как бы лишенных общего контекста некоего более или менее стройного мемуарного повествования – повествования о коммунально-дачном детстве человека моего поколения. Фраз, чьи лексика, фразеология и синтаксис довольно ясно указывают на то, что их «автор», или, говоря по старинке, лирический герой, – это отрок восьми или девяти лет. В общем, этот текст написан в регистре и интонации школьного сочинения на тему – условно говоря – «Как я провел детство».

Ну а теперь – построчно. Точнее – пофрагментно.
Итак.

1.

Мама мыла раму

Все, кому посчастливилось учиться в советской школе в середине 50-х годов и с самого начала учеббы открывать на первой странице букварь с изображением каких-то условных ровесников или ровесниц на обложке, на всю жизнь запомнили эту странную речевую конструкцию.

Но этот ностальгический эффект, а также неизбежные воспоминания об этом «Букваре» не очень-то понятны и доступны людям других стран и, соответственно, языков.

Этот мой текст, как мне кажется, среди прочих моих текстов является абсолютным чемпионом в смысле количества переводов на другие языки. Он, по-видимому, представляется очень простым и очень доступным для перевода. Ну, казалось бы – весьма бесхитростный и простой, чтобы не сказать примитивный, – синтаксис, а также обилие собственных имен, которые и переводить даже не надо.

Однако уже в самом первом фрагменте затаилась косточка, о которую запросто можно сломать переводческий зуб.

Чаще всего эту «маму» о ее «рамой» переводят буквально, как «Мать мыла оконную раму». И получается полная чушь, лишенная какого бы то ни было ассоциативного наполнения.

Лишь моя французская переводчица, дама моего приблизительно поколения, переведшая довольно много моих текстов и этот в том числе, когда я объяснил ей, что этой довольно нелепой фразой начинались школьные буквари разных лет и десятилетий, включая, кажется, еще и дореволюционные, сказала: «А! Я поняла! В наших букварях такой же – не по значению, но по назначению, что в данном случае гораздо важнее, – и тоже на протяжении очень многих лет была фраза „Papa fumait une pipe“, то есть „Папа курил трубку“».

Заметная содержательная недостаточность этой всем знакомой фразы как будто бы компенсировалась определенной фонетической аллитерационной насыщенностью. Каковая насыщенность плюс демонстративное небрежение планом содержания (какая мама? какую раму? зачем мыла? где? почему?) сообщали этой нарочито нелепой, казалось бы, конструкции никем не предусмотренный (хотя кто их знает) мантрический эффект.

Много лет спустя, уже во второй половине 80-х, когда на улицах советских городов стали появляться экзотического вида существа обоего пола, то есть пестро одетые и причудливо разукрашенные юноши и девушки, называемые кришнаитами, когда под ритмические звуки бубенчиков, коло-

кольчиков и барабанчиков зазвучали на улицах и площадях «Харе Кришна! Харе Рама! Рама Кришна! Харе, Харе!», именно тогда появилась такая милая фольклорная шутка: «Мама мыла раму. Рама мыла Кришну. Кришна мыла харю». Примерно тогда же, кстати, и был написан этот текст.

2.

Папа купил телевизор

Мой отец, сколько я его помню, всегда стремился идти в ногу с техническим прогрессом.

Он мог залезть в долги, но какой-нибудь рижский радиоприемник с зеленым глазком и заманчивыми названиями заграничных городов на бледно светящемся мониторе («Париж», «Лиссабон», «Монтевидео», «Калькутта», «Сидней») непременно оказывался в нашем доме.

Именно из этого радиоприемника доносились до меня звуки детских радиоспектаклей, именно оттуда донесся до меня торжественный и скорбный баритон Левитана, говорившего что-то непонятное про дыхание Чейна-Стокса.

Вот и телевизор появился в нашей семье довольно рано, кажется, в начале 50-х годов. Это был, естественно, КВН с открыточного формата экраном и линзой, наполненной ди-

стиллированной водой. Он вещал всего два или три часа в сутки. Но какие это были три часа! Особенно для ребенка.

В нашей коммуналке телевизор был только у нас, и поэтому все соседи ходили к нам толпами смотреть все подряд – мультфильм «Золотая антилопа», китайский кинофильм «Красные семена», эстрадный концерт с участием Штепселя и Тарапуньки, художественный кинофильм «Сказание о земле Сибирской».

Про это «Сказание» говорили, что это чуть не первый в СССР цветной кинофильм. Но поскольку телевизоры тогда были только черно-белые, это знание темно-серым комом повисало в плотном воздухе коммунальной жизни.

У моего дружка Саши Смирнова (а он, предупреждаю, будет не раз и не два появляться в этом тексте) тоже был телевизор. Мы и вообще постоянно ругались и дрались, но однажды мы поцапались так, что нас разнимали всем двором.

Было это так. Сашка сказал: «А у нас сегодня по телевизору будут показывать „Белоснежку и семь гномов“». – «А вот и врешь! – сказал я, – это у нас будут показывать „Белоснежку“». – «Нет у нас!» – «Нет у нас!»

И началось то самое, что пришлось разнимать всем двором. Нам просто и в голову не могла прийти такая глупость, что в двух разных телевизорах может быть одно и то же. Так, видимо, проявляла себя наша страсть к уникальности, к неповторимости. Тотальная унификация, нужда в мимикрии и склонность к конформизму настигли нас позже, уже в школе. И тогда мы уже никогда не удивлялись тому, что все везде одно и то же. А вот мирились мы с этим или нет, то

это уже – кто как.

3.

Дул ветер

Ну, просто «дул ветер». Можно считать, что это такое сознательное квазилирическое клише, играющее здесь и дальше роль ритмообразующего рефрена. Ну, в общем, понятно.

4.

Зою ужалила оса

Вполне допускаю, что я это просто выдумал. Но мне тем не менее твердо запомнилось, что именно эта фраза была напечатана когда-то в школьных прописях. Там, впрочем, даже и без покусанной осой «Зои» было полно примеров, отмеченных повышенной депрессивностью, тревожностью и прочим «нуаром». Например: «Полина плачет», «Гоша ушибся» или «У Нюры рана».

Еще, кстати, и поэтому, а не только по причине своего неисправимо кошмарного почерка, я ненавидел уроки чи-

5.

Саша Смирнов сломал ногу

Вот и снова этот Смирнов. У меня и на самом деле был приятель детства с таким именем. Потом, по мере своего непредусмотренного появления в различных моих текстах он все больше превращался в персонажа полуреального, полубеллетристического, становился постепенно обобщенным, собирательным «другом детства». Этот условный «Смирнов» фигурирует не только в этом тексте, но и во многих последующих. Но в этом он появляется впервые.

В общем, реальный Саша Смирнов действительно однажды сломал ногу, спрыгнув с сарая. И я при этом присутствовал.

Мне в детстве казалось – видимо, по аналогии с разными детскими болезнями, которыми мы все болели по очереди, заражаясь друг от друга, – что есть какой-то фатальный набор неприятностей, избежать которых не представляется возможным.

«Вот Смирнов уже сломал ногу, – с тоскливой безысходностью размышлял я, – а я все еще нет». Или «У Мишки уже была операция по поводу аппендицита, а у меня нет».

И эти рассуждения наполняли – к счастью ненадолго – фатальной тоской и тревогой мою, в общем-то, постоянно готовую к веселью душу.

Кстати, ни перелома, ни аппендицита у меня до сих пор не было. Хорошо бы, чтобы и дальше как-нибудь обошлось без этого.

6.

Боря Никитин разбил голову камнем

Ну, та же, в общем, история.

Боря Никитин – второй мой дружок. Не такой прославленный мною навесь белый свет, как Смирнов, но тоже не из последних.

7.

Пошел дождь

Это так же, как с «Дул ветер».

Брат дразнил брата

Мой брат был на девять лет старше меня. Поэтому я помню его всегда взрослым, то есть с пятнадцати примерно лет.

Он, конечно, меня любил. Но, как говорится, странную любовью, свойственной подросткам по отношению к такой мелюзге, как я.

Любил, защищал, но и ужасно издевался. И очень дразнил, доводя до слез.

Однажды, например, задумчиво осмотрев мои оттопыренные уши, он сказал: «Твои уши так торчат и повернуты под таким углом, что если ветер подует в определенном направлении, ты можешь случайно взлететь и висеть в воздухе, как воздушный змей».

Уж не знаю почему, но эта невинная, в общем, шутка меня страшно обидела, и я в слезах побежал жаловаться маме. А когда она вместо того, чтобы рассердиться, обидно рассмеялась, я уже окончательно оскорбился.

Было много и другого. Например, однажды он вместе с соседом-сверстником Юркой Винниковым попытались застегнуть на моей тонкой шее отцовские трофейные часы Longines.

У них это, слава богу, не получилось, но мне довольно ярко запомнилось, да и как было такому не запомниться.

А еще однажды они же, войдя в раж, поспорили между собой, помещусь ли я в нашей печной духовке. И начали, конечно, тут же это и проверять.

Проверить им это до какого-нибудь положительного или отрицательного результата не удалось, потому что я все же вырвался и с дикими криками забился под круглый стол, накрытый бордового цвета бархатной скатертью с бахромой. Там-то я, в отличие от них, вполне помещался.

Кстати, эта скатерть с этой бахромой мне до сих пор регулярно снится.

9.

Молоко убежало

Это было кошмаром и наваждением. «Сиди тут и следи, чтобы не убежало». Сидеть на одном месте сколько-нибудь долго я и сейчас не очень-то умею, а в детстве и подавно.

Поэтому молоко, конечно же, все равно убегало, заливая конфорку керосинки и клеенку под ней неприятной, пахучей и трудно отмываемой субстанцией.

Первым словом было слово «колено»

Да, это именно так. Посреди младенческого полуутробного существования, когда не было еще ничего – ни времени, ни пространства, ни фигур, ни предметов, ни картинок, ни слов человеческой речи, а были только мелькавшие вокруг разноцветные тени и теплые, хотя и лишённые даже намека на семантику, на морфологию и синтаксис звуки человеческих голосов, я вдруг вычленил из этого пчелиного гула отчетливо прозвучавшее слово «колено».

Кто произнес это слово? Что имелось в виду? Значило ли это слово, что кто-то ушиб колено? Может быть. А может быть, и нет. Вряд ли имелось в виду какое-нибудь из колен Израилевых в моей насквозь атеистической семье.

Так или иначе, но слово «колено» запомнилось мне как первое слово, воспринятое мною как отдельное, как слово, вырвавшееся из первозданного языкового хаоса.

Юра Степанов смастерил шалаш

Сосед-сверстник Юра Степанов был малозаметным мальчиком. Ростом он был еще меньше меня, что, конечно, слегка примиряло меня с действительностью.

Его было принято всячески третировать и обижать. И, должен сознаться, я тоже принимал в этом некоторое постыдное участие.

Но одно свойство выделяло его из нас всех в лучшую сторону. Он умел что-то делать руками. Например, однажды из трех выброшенных кем-то трехколесных велосипедов он соорудил вполне дееспособный самокат, на котором со страшным грохотом носился по двору.

А еще как-то в заросшем лопухами и крапивой углу нашего общего двора он из веток, из каких-то дощечек, из посылочных фанерных ящиков и неизвестно откуда взявшихся мешков из рогожи, смастерил настоящий шалаш, в котором могли легко разместиться человек пять.

Юлия Михайловна была строгая

Она была завучем в моей школе. Действительно, ужасно строгая. У меня сводило внизу живота, когда она приближалась.

Она преподавала физику. К счастью, недолго. Вскорости ее сменила другая физичка – Эльвира Васильевна. Та почему-то относилась ко мне очень хорошо, позволяя мне читать книжки на своих уроках. И я всегда имел у нее твердую тройку.

За то, что на уроке я, когда не читал, все время вертелся, называла меня «вечным двигателем». А географичка Ирина Абрамовна за то же самое называла меня «круговоротом воды в природе».

А Юлия Михайловна – да, была не просто строгая, но, в общем-то, даже свирепая. Однажды она в пылу особого раздражения дернула меня за ухо так, что пошла кровь.

Сама она ужасно испугалась, я это видел. Но я – молодец – никому об этом не сказал. Ни маме, никому. Вот только теперь...

13.

Вова Авдеев дрался

Да, был такой. В моем классе. Белобрысый и курносый. Постоянно лез в драку по любому поводу.

Очень часто получал как следует, но все равно лез. Бывают такие люди...

Таня Чирикова – дура

На самом деле она не казалась мне душой, эта Таня Чирикова. Она была старше меня года на три, то есть казалась совсем взрослой. Она была длинноногая и складная. Я помню, как в школьном дворе она в спортивных трусах прыгала в длину. Очень хорошо и привлекательно это получалось у нее. Она меня, разумеется, волновала, но кто она и кто я – так, мелочь пузатая.

Про то, что она якобы «дура», я написал однажды на заборе. От бессильной досады и тоски, скорее всего. А также – из неудовлетворенного любопытства, которое, по-видимому, было ревностью, но я тогда не знал таких слов, а следовательно – и чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.